

Квинт Гораций Флакк

О Д Ы

Пер. с лат. Сергея Завьялова

Solvitur acris hiems grata vice veris et Favoni

Сестію

Западный вѣтеръ желанный уноситъ зимніе морозы,
 Лебедки на воду суда спускаютъ,
 Стадо оставило ѿ хлѣвъ, къ огню не жметъ земледѣлецъ,
 Утрами иней на сѣдѣтъ въ полѣ.

Ясными вечерами Венера хороводъ сплетаетъ
 Изъ нѣжныхъ грацій, нимфъ безпечныхъ,
 Ноги ихъ в пляскѣ мелькаютъ легкія, въ кузницѣ циклоповъ
 Хромой Вулканъ опять огонь разводитъ.

Вотъ и пришла пора увить главу зеленымъ миртомъ
 Иль из-подъ снѣга вставшими цвѣтами,
 Въ жертву Фавну принести, расположась въ тѣнистой рошѣ,
 Ягницу или благаго козленка.

Блѣдная смерть на порогѣ, ломится въ дверь — равны предъ нею,
 Мой другъ, трущобы, царскіе покои,
 И никакой надежды не оставляетъ міропорядокъ —
 Нависло ночью царство душъ усопшихъ —

Домъ, населенный никѣм; когда въ него однажды вступишь —
 Уже не быть пирушки предсѣдателемъ,
 Не восхищаться — пока въ расцвѣтъ — юности Лицида,
 Который скоро дѣве усладой станетъ.

Vides ut alta stet nive candidum

Талларху

Взгляни, мой мальчикъ, какъ ослѣпительно
Сорактъ въ снѣгу сверкаетъ, сугробами
Отягчены лѣса, и рѣки
Стынутъ, скованныя морозомъ.

Подбрось въ огонь веселаго хвороста,
Достань Сабина четырехлѣтняго
И лей, мой Таллархъ, щедрѣе,
Не разбавляя его водою.

Оставь заботы божьему промыслу —
Онъ можетъ все: вотъ море штормящее
Унято, ясному затишью
Старья радуются деревья.

Что будетъ завтра — не предугадывай,
И дни тебѣ судьбой отведенныя
Какъ даръ цѣни, смѣлей врывайся
Въ нѣжную прелесть дѣвичьихъ плясокъ.

Пока виски сѣдины угрюмыя
Не бѣлятъ — не чуждайся ровесниковъ,
И страстный шопоть, милый мальчикъ
Пусть шѣ тебѣ скрасить часы ночные.

И смѣхъ счастливый дѣвочки ласковой,
Свиданье въ тайнѣ въ мѣстѣ условленномъ —
Твое все — и залогъ любовный
Снятый съ податливаго запястья.

Diffugere nives, redeunt jam gramina campis

Манлію Торквату

Стаяль снѣгъ, изъ земли пробивается первая зелень,
Помолодѣли лѣса.

Такъ повсюду свѣжо, и рѣки вслѣдъ половодью
Свой успокоили токъ.

Легкія нимфы опять нѣжатъ прогалины танцемъ,
Освободясь отъ одеждъ.

И этотъ благостный часъ хрупкостью напоминаетъ
Не о безсмертѣи тебѣ.

Западный вѣтеръ морозъ, а лѣто весну оттѣсняет,
Но угасаетъ оно
Съ осенью пышной, а там и зимнее солнцестоянье:
Вѣчень ихъ круговоротъ.

Мѣсячный свой ущербъ восполнить ночная планета,
Намъ же спускаться туда,
Гдѣ угодный богамъ Эней, и Гостилій, и Марцій,
Прахъ и безплотность тѣней.

Кто можетъ знать къ итогу прожитой жизни прибавятъ
Боги хоть завтрашній день?
Корыстолюбцевъ—наслѣдниковъ руки уже не коснутся,
Съ щедростью что раздарилъ.

Если однажды умрешь — Миносъ нештѣх неотмѣнимый
Произнесетъ приговоръ,
Нѣтъ, Торкватъ, тогда родовитость, пылкія рѣчи,
Набожность — все ни къ чему.

И не удастся спасти ни дѣвственника—Ипполита
Даже Діанѣ самой,
Ни разрубить Тезею, друга изъ тѣмы вызволяя,
Узы летейскихъ глубинъ.

Elegi monumentum aere perennius

Мельпоменъ

Я возвелъ монументъ бронзовой статуи
 Крѣпче и пирамидѣ взлета возвышенной.
 Не обрушить его бѣшеный ураганъ,
 Не размочетъ дождя капля точащая.

Грузна поступь времянь — цѣпи столѣтнѣя,
 Не умру, не согнусь подѣ этой тяжестью,
 Нѣтъ, во мнѣ что-то есть, что будетъ жить, пока
 Чтутъ устои жрецы капитолѣйскіе.

Буду я возрастать славой посмертною
 Свѣтъ увидевшій, гдѣ Ауфидѣ порокистый
 Орошаетъ поля — Давна владѣнѣя,
 Покорившаго встарь землю Апуліи.

Выходецъ изъ глубинъ престопаго родѣя,
 Я въ латынь перенесъ Лесбоса музыку.
 Мельпомена, воспрянь самоознаніемъ,
 Мнѣ прическу увидѣ лавровой зеленю.